

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.04.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-3-738-744

ПЕЧЕРСКАЯ Анастасия Юрьевна,
студентка 2 курса магистратуры,
Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации, г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПОСРЕДНИКИ В СИСТЕМЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются особенности защиты интеллектуальных прав в условиях цифровой трансформации. На основе доктринальных подходов, а также анализа законодательства Российской Федерации и зарубежных стран рассматриваются проблемы правового регулирования ответственности информационных посредников и выявляются ключевые пробелы действующей модели защиты интеллектуальных прав в цифровой среде. Сформирована расширенная правовая концепция информационного посредника как самостоятельного инфраструктурного субъекта цифровых правоотношений, обеспечивающего технологические и организационные условия существования и оборота цифрового контента при отсутствии авторского вклада и статуса конечного пользователя. Предложена функционально ориентированная классификация информационных посредников на сетевых провайдеров, сервисных провайдеров хранения, контент-платформы и информационных навигаторов, позволяющая соотнести объем обязанностей и мер ответственности с фактической ролью посредника в цифровом обороте. Обоснована необходимость законодательного признания статуса цифровых доказательств и создания механизмов трансграничного сотрудничества при пресечении нарушений, совершаемых с использованием иностранных цифровых инфраструктур.

Ключевые слова: информационные посредники, интеллектуальные права, цифровое пространство, цифровой контент, ответственность информационных посредников.

PECHERSKAYA Anastasia Yuryevna,
2nd year graduate student, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow

INFORMATION INTERMEDIARIES IN THE SYSTEM OF PROTECTION OF INTELLECTUAL RIGHTS IN DIGITAL SPACE

Annotation. The article explores the features of protecting intellectual rights in a digital transformation. On the basis of doctrinal approaches, as well as an analysis of the legislation of the Russian Federation and foreign countries, the problems of legal regulation of the responsibility of information intermediaries are considered and key gaps in the current model of protecting intellectual rights in the digital environment are identified. An expanded legal concept of an information intermediary has been formed as an independent infrastructure subject of digital legal relations, providing technological and organizational conditions for the existence and circulation of digital content in the absence of an author's contribution and end-user status. A functionally oriented classification of information intermediaries into network providers, storage service providers, content platforms and information navigators is proposed, which allows correlating the scope of responsibilities and measures of responsibility with the actual role of the intermediary in digital circulation. The need for legislative recognition of the status of digital evidence and the creation of mechanisms for cross-border cooperation in suppressing violations committed using foreign digital infrastructures is justified.

Key words: information intermediaries, intellectual rights, digital space, digital content, responsibility of information intermediaries.

Введение. Сегодня цифровизация стала одной из базовых характеристик экономики. Как отмечают В.М.Ячменева и Е.Ф.Ячменев, формирование целостного цифрового пространства является необходимым условием цифровизации экономики и обеспечивает равный доступ к ресурсам для всех участников взаимоотношений [14].

Так, постепенное внедрение во все сферы жизни электронного документооборота, комплексное развитие цифровых платежных систем, появление виртуальных активов и сетевых платформ изменили привычные способы создания, обращения и потребления экономических благ. В свою очередь, Е.А.Оркина подчеркивает, что цифровая среда радикально усиливает уязвимость объектов интеллектуальной собственности и создает устойчивое отставание права от технологического развития [8]. Результаты интеллектуальной деятельности, ранее преимущественно связанные с материальными носителями, например, книгами или холстами, в условиях цифровой среды все чаще существуют в форме программного кода и мультимедийных файлов. Помимо этого, круг участников правоотношений в цифровой сфере шире, чем в традиционной. Кроме авторов и правопользователей (лицензиатов), в него входят: пользователи, платформы и агрегаторы, хостинг-провайдеры и интернет-провайдеры, разработчики ПО и модераторы [10]. Таким образом, в новых условиях защита интеллектуальных прав перестала быть сугубо двусторонней сферой взаимодействия правообладателя и нарушителя: решающую роль стали играть информационные посредники – операторы связи, хостинг-провайдеры, интернет-платформы и поисковые системы.

Правовое значение информационных посредников заключается в том, что именно они обеспечивают доступ к контенту, управляют потоками информации и нередко извлекают коммерческую выгоду из его распространения. Традиционные механизмы защиты, ориентированные на пресечение нарушений со стороны конечных пользователей, оказываются неэффективными в цифровой среде, где копирование и распространение информации происходит мгновенно и без территориальных границ. В связи с этим научный интерес смещается к вопросам регулирования деятельности информационных посредников и определения их ответственности за нарушения интеллектуальных прав.

Основная часть. Согласно части IV Гражданского кодекса РФ, результаты интеллектуальной деятельности (РИД) и средства индивидуализации являются объектами гражданских прав [15]. Норма исходит из традиционной реальности: РИД рассматриваются как отдельные, отчуждаемые объекты, а права на них — как нематериальные

имущественные права. Однако в юридической литературе все чаще звучит тезис, что цифровые произведения не являются лишь «оцифрованной» формой традиционного объекта [5]. Цифровые произведения следует рассматривать как самостоятельную правовую категорию, обладающую иными свойствами по сравнению с традиционными объектами интеллектуальной собственности. В цифровой среде объект исключительного права не связан с материальным носителем и существует в форме совокупности данных, что трансформирует само представление о владении и использовании результата интеллектуальной деятельности. Существенной особенностью цифровых произведений является возможность их неограниченного воспроизведения без утраты качества, при которой каждая вновь созданная копия подобна исходному экземпляру. Кроме того, оборот и использование цифрового контента объективно зависят от функционирования информационных систем, программных решений и технологических протоколов, которые во многом определяют условия доступа, распространения и контроля над такими объектами. В этой связи Е.С.Дементьева обоснованно указывает на необходимость адаптации правовой терминологии к цифровым реалиям, поскольку традиционные правовые конструкции не в полной мере отражают специфику электронных произведений и механизмов их использования [3].

Помимо Гражданского кодекса, регулирование интеллектуальных прав осуществляется специальными законами. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» определяет информационные отношения, устанавливает обязанности операторов по защите данных и содержит механизм ограничения доступа по мотивированному требованию правообладателя [16]. Закон № 126-ФЗ «О связи» регулирует деятельность операторов связи, в том числе вопросы конфиденциальности и хранения данных [17]. Несмотря на наличие этих норм, действующая модель регулирования не учитывает всех особенностей цифровой среды и не предоставляет достаточно эффективных инструментов для воздействия на информационных посредников, от которых во многом зависит соблюдение прав.

Понятие информационного посредника не закреплено, однако в статье 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации приведены виды ответственности в зависимости от вида информационного посредника, позволяющие сформулировать общее представление об этом термине. Так, в соответствии со статьей к таким субъектам относятся лица, обеспечивающие размещение, хранение, передачу либо поиск информации в сети

Интернет. Действующее гражданское законодательство предусматривает специальные условия освобождения информационного посредника от гражданско-правовой ответственности за нарушение интеллектуальных прав, допущенное в цифровой среде [18]. В зависимости от характера осуществляемой деятельности законодатель различает посредников, осуществляющих передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, и посредников, предоставляющих возможность размещения такого материала или доступа к нему. Так, информационный посредник, обеспечивающий передачу материала, не подлежит ответственности при условии, что он не является инициатором передачи и не определяет получателя информации, не изменяет передаваемый материал за исключением технических изменений, обусловленных процессом передачи данных, а также не знал и не должен был знать о неправомерном использовании соответствующего результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации лицом, инициировавшим передачу. В свою очередь, информационный посредник, предоставляющий возможность размещения материала в сети Интернет, освобождается от ответственности при отсутствии у него сведений о незаконном характере использования соответствующих объектов и при условии, что после получения письменного заявления правообладателя с указанием конкретного сетевого адреса он своевременно принял необходимые и достаточные меры по прекращению нарушения.

Л.С.Иванова отмечает, что единственная норма в части IV ГК РФ, посвященная информационным посредникам, оставляет неопределенность в определении их статуса и критериев ответственности, что приводит к отсутствию единообразия судебной практики [4]. Так, действующая российская модель правового регулирования деятельности информационных посредников характеризуется рядом существенных недостатков, снижающих эффективность защиты интеллектуальных прав в цифровой среде. Прежде всего, статья 1253.1 ГК РФ не предусматривает дифференциации посредников в зависимости от их функциональной роли, в результате чего операторы доступа к сети Интернет, хостинг-провайдеры, социальные сети и поисковые системы формально оказываются в одинаковом правовом положении, несмотря на существенные различия в степени контроля над контентом и характере извлекаемой экономической выгоды.

Представляется необходимым детализировать права и обязанности информационных посредников с учетом функциональной роли, которую они выполняют в цифровой среде, и

уровня их фактического контроля над распространением контента. Так, операторы доступа к сети Интернет осуществляют исключительно передачу данных и не участвуют в формировании или отборе информации, в связи с чем их обязанности целесообразно ограничить исполнением требований уполномоченных государственных органов. Хостинг-провайдеры, обеспечивающие хранение информации на своих серверах, должны быть обязаны оперативно реагировать на уведомления о нарушении интеллектуальных прав, принимать меры по удалению или ограничению доступа к спорным материалам и информировать правообладателей о принятых действиях. Платформы-агрегаторы и социальные сети, напротив, активно взаимодействуют с размещаемым контентом, используют алгоритмы рекомендаций и нередко извлекают коммерческую выгоду из его распространения, что обосновывает возложение на них расширенных обязанностей, включая внедрение механизмов фильтрации, заключение лицензионных соглашений с правообладателями и обеспечение прозрачной отчетности. Ответственность поисковых систем, осуществляющих индексацию и систематизацию информации, должна определяться с учетом степени их осведомленности о незаконном характере выдаваемых результатов и технической возможности исключения таких материалов из поисковой выдачи. Такой подход позволит устранить пробелы и обеспечить баланс интересов правообладателей, пользователей и цифровых платформ.

Дополнительную неопределенность создает использование оценочных формулировок, таких как «не знал и не должен был знать» и «принял необходимые и достаточные меры», которые не имеют нормативного раскрытия и по-разному интерпретируются судами, что приводит к неоднородности правоприменительной практики. Существенным пробелом является и отсутствие в законодательстве стандартизированной процедуры реагирования на уведомления о нарушении интеллектуальных прав: не установлены требования к форме и содержанию уведомлений, сроки их рассмотрения и перечень действий, которые обязан предпринять посредник, что усложняет защиту прав правообладателей и создает риск злоупотреблений. Особую проблему представляет неурегулированность трансграничных аспектов защиты прав, поскольку при размещении контента на иностранных серверах российские судебные решения нередко оказываются затруднительными в исполнении, а действующие механизмы международной правовой помощи отличаются сложностью и длительностью. Наконец, в российском процессуальном праве до настоящего времени не сфор-

мирован четкий правовой статус цифровых доказательств, полученных с использованием блокчейн-реестров, смарт-контрактов и автоматизированных систем мониторинга, что затрудняет фиксацию и доказывание факта нарушения интеллектуальных прав в условиях цифровой среды.

Судебная практика по делам, связанным с нарушениями интеллектуальных прав в Интернете, носит неоднозначный характер [13]. В одних случаях суды освобождают посредников от ответственности, полагая, что они лишь осуществляют передачу данных. В других – возлагают ответственность, исходя из того, что хостинг-провайдер или платформа могли удалить незаконный контент, но не приняли мер. Отсутствие чётких критериев, в том числе сроков и порядка реагирования на уведомления, создаёт неопределённость для бизнеса [2].

В странах ЕС институт ответственности посредников регулируется Директивой 2000/31/ЕС [19]. Она вводит концепцию «безопасной гавани» (safe harbour), которая освобождает интернет-провайдеров от ответственности при соблюдении условий: отсутствия знания о незаконности информации и оперативного удаления её после уведомления. Директива 2019/790 (статья 17) возложила на крупные платформы обязанность заключать лицензии с правообладателями и внедрять эффективные технологии предотвращения нарушений («stay-down mechanism») [20]. В 2024 году вступил в силу Регламент «О цифровых услугах» (Digital Services Act, DSA), который вводит дополнительные обязанности для очень крупных платформ: тщательный контроль за контентом, механизмы оценки рисков, публичные отчёты и прозрачность алгоритмов [21].

Американская система основывается на Законе об авторском праве (Title 17 USC.) и DMCA [22]. Последний содержит механизм «notice-and-takedown»: при получении уведомления о нарушении права владелец платформы обязан удалить или заблокировать доступ к спорному контенту, чтобы сохранить иммунитет от ответственности. Закон закрепляет понятие «безопасной гавани» и дифференцирует категории посредников – поставщиков доступа, хостинг-провайдеров, сервисов кеширования, поисковиков и онлайн-платформ. Критерии освобождения от ответственности в DMCA более конкретны: например, платформа не должна получать прямой выгоды от нарушения и должна действовать оперативно.

Модель fair use (добросовестного использования) в США также позволяет гибкое использование произведений без разрешения правообладателя для критики, научных исследований, пародии,

что снижает количество судебных споров. Эта гибкость отсутствует в российском праве, что делает регулирование более жестким.

Бернская конвенция и Договор ВОИС по авторскому праву не устанавливают специальных правил для посредников. Они закрепляют общие принципы: национальный режим, минимальные стандарты охраны и запрет формальных требований [23]. Вопросы трансграничного преследования нарушений и ответственности информационных посредников остаются за рамками международных договоров. Тем не менее развитие регионального и национального законодательства стимулирует дискуссию о необходимости многосторонних соглашений, регулирующих функционирование платформ в глобальном масштабе.

Проведенный анализ действующих норм российского законодательства и международного опыта позволяет обозначить основные направления его дальнейшего развития в части регулирования ответственности информационных посредников. В первую очередь представляется целесообразным нормативно закрепить понятие и классификацию информационных посредников с учетом их функциональной роли в цифровом обороте, степени контроля над размещаемым контентом и характера извлекаемой экономической выгоды. Так, информационного посредника можно определить как юридическое или физическое лицо, которое в профессиональных целях обеспечивает технологическую или организационную инфраструктуру для доступа, хранения, индексации, агрегирования, распространения, поиска либо иной обработки цифрового контента в информационно телекоммуникационной сети, при этом не являясь создателем данного контента и не выступая в роли его конечного пользователя. В качестве признаков, характерных для информационного посредника, предложенное понятие выделяет: профессиональный характер деятельности посредника, его инфраструктурную роль в управлении информационными потоками и отсутствие авторского вклада. Поскольку роль информационных посредников различна, их необходимо дифференцировать их на четыре функциональные категории:

1. Сетевые провайдеры — операторы доступа и транзитные сервисы, обеспечивающие физическую и логическую передачу данных между участниками сети. Они не имеют доступа к содержанию и не влияют на его форму, поэтому должны нести лишь минимальные обязанности по исполнению решений компетентных органов и сохранению трафиковых данных для нужд правообеспечения.

2. Сервисные провайдеры хранения — хостинг провайдеры, поставщики облачных сервисов и файловых хранилищ, которые предоставляют дисковую емкость и могут ограничивать доступ к спорному контенту. В силу возможности управления размещенными данными на них возлагаются обязанности оперативно реагировать на уведомления правообладателей, удалять или блокировать доступ к незаконным материалам, а также информировать пользователей и правообладателей о предпринятых мерах.
3. Контент платформы — социальные сети, видеохостинги, маркетплейсы, онлайн магазины приложений и иные площадки, активно взаимодействующие с пользовательским контентом и извлекающие из него коммерческую выгоду. Они организуют прием, хранение и распространение контента, используют алгоритмы рекомендаций и получают доход от рекламы или подписок. Их деятельность характеризуется высокой степенью влияния на оборот произведений, поэтому помимо обязанностей сервисных провайдеров хранения на них следует возложить обязательство заключать лицензионные соглашения с правообладателями, использовать системы фильтрации и контент идентификации, обеспечивать прозрачную отчетность о распространении произведений и распределении доходов, а также внедрять процедуры разрешения споров.
4. Информационные навигаторы — поисковые системы, каталоги, рекомендательные сервисы и другие «указатели», которые индексируют и структурируют информацию, но не хранят и не размещают контент. Их ответственность должна определяться степенью осведомленности об очевидной незаконности результатов поиска и наличием технической возможности исключить указатели на незаконный контент из выдачи.

Включение в Гражданский кодекс Российской Федерации и специальные законы перечня категорий посредников с указанием объема их обязанностей и условий освобождения от ответственности способствовало бы устранению существующей неопределенности и формированию единообразного правоприменения. Существенным элементом такой модели должно стать установление стандартизированной процедуры уведомления о нарушении интеллектуальных прав, предусматривающей требования к форме и содержанию уведомления, сроки его рассмотрения и последовательность действий посредника. Уведомление должно содержать сведения об объ-

екте интеллектуальной собственности, ссылку на конкретный контент, подтверждение прав правообладателя и контактную информацию, при этом посредник обязан подтвердить его получение, временно ограничить доступ к спорному материалу и уведомить пользователя о поступившей претензии. Одновременно требуется нормативное раскрытие критериев «необходимых и достаточных мер», принятие которых позволяет посреднику рассчитывать на освобождение от ответственности, включая такие действия, как временная блокировка контента, информирование правообладателя и предоставление сведений о пользователе по мотивированному запросу суда. Отдельного регулирования требуют трансграничные аспекты защиты интеллектуальных прав, поскольку размещение контента на иностранных серверах существенно осложняет исполнение судебных решений. В этой связи актуальной является разработка международных соглашений либо присоединение к существующим инициативам, предусматривающим взаимное признание мер по ограничению доступа к контенту и обмен информацией между компетентными органами. Не менее важным направлением является закрепление в процессуальном законодательстве статуса цифровых доказательств, полученных с использованием распределенных реестров, автоматизированных систем мониторинга и цифровых подписей, с установлением требований к их достоверности и надёжности. Наконец, дополнительным инструментом повышения эффективности защиты интеллектуальных прав может стать развитие механизмов саморегулирования и добровольных кодексов поведения, заключаемых между правообладателями и цифровыми платформами, при условии их институциональной поддержки со стороны государства, в том числе через признание таких соглашений обязательными для участников или применение стимулирующих мер.

Заключение. Введение функционально-дифференцированной модели ответственности, разработка стандартизированных процедур уведомления, признание статуса цифровых доказательств и создание механизмов трансграничного сотрудничества позволят повысить эффективность защиты интеллектуальных прав в цифровом пространстве. Законодательство должно стремиться к балансу между интересами правообладателей и участников цифрового рынка, обеспечивая безопасность контента и поддерживая развитие креативных индустрий.

Список литературы:

- [1] Блинкова Е.В., Кошелюк Б.Е. Особенности защиты цифровых прав // Вестник Тюменского

государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2024. Т. 10. № 3 (39). С. 158–173.

[2] Геец К.В. Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. Декабрь 2023. N 4 (42). С. 121–136.

[3] Дементьева Е.С. Проблемы правового регулирования цифровой формы произведения // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 7. С. 53–60.

[4] Иванова Л.С. Юридическая ответственность информационных посредников // Образование и право. 2022. № 5. С. 169–173.

[5] Кириллова Е.А., Зулъфагарзаде Т.Э., Метелёв С.Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6, №1. С. 245–256.

[6] Коровникова Н.А. Искусственный интеллект в креативных индустриях: возможности и риски // Экономические и социальные проблемы России. 2025. № 4. С. 31–47.

[7] Мостовая В.О. Особенности защиты прав интеллектуальной собственности в цифровой среде // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. 2024. № 5. С. 235–239.

[8] Оркина Е.А. Интеллектуальная собственность в цифровой среде: проблемы и решения // Философия права. 2020. № 2 (93). С. 44–50.

[9] Рахматулина Р.Ш. Государственное регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 5. С. 153–161.

[10] Родин А.С. Правовой статус субъектов, участвующих в правоотношениях в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Журнал Культура: теория и практика, 2021. С. 1–6.

[11] Свиридова Е.А. Особенности охраны программы для ЭВМ по законодательству Европейского союза // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 6. С. 106–112.

[12] Фролова Е.Е., Купчина Е.В. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. Т. 61. С. 479–498.

[13] Щербак Н.В. Ответственность за косвенные нарушения интеллектуальных авторских прав // Вестник Московского университета. Серия И. Право. 2024. № 6. С. 178–201.

[14] Ячменева В.М., Ячменев Я.И. Цифровое пространство как необходимое и достаточное условие цифровизации экономики // Baikal Research Journal. 2020. Т. 11. № 3. С. 2–12.

[15] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.01.2026), ст. 1225. // СПС «Гарант».

[16] Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «Гарант».

[17] Федеральный закон от 07.07.2003 N 126-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О связи». // СПС «Гарант».

[18] «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025), ст. 1253.1. // СПС «Гарант».

[19] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market.

[20] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market.

[21] Digital Services Act, DSA, 2022.

[22] Digital Millennium Copyright Act (DMCA) of 1998 (Pub. L. No. 105-304).

[23] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works.

References:

[1] Blinkova E.V., Koshelyuk B.E. Features of digital rights protection//Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and legal studies. 2024. Т. 10. № 3 (39). S. 158–173.

[2] Geetz K.V. Responsibility of information intermediaries for violation of intellectual rights//Journal of the Court for Intellectual Rights. December 2023. N 4 (42). S. 121–136.

[3] E.S. Dementieva. Problems of legal regulation of the digital form of the work//IP. Copyright and related rights. 2016. № 7. S. 53–60.

[4] Ivanova L.S. Legal responsibility of information intermediaries//Education and law. 2022. № 5. S. 169–173.

[5] Kirillova E.A., Zulfagarzade T.E., Meteev S.E. Institute of Digital Rights in Civil Law of Russia// Law Enforcement. 2022. Т. 6, NO. 1. S. 245–256.

[6] Korovnikova N.A. Artificial intelligence in creative industries: opportunities and risks//Economic and social problems of Russia. 2025. № 4. S. 31–47.

[7] Mostovaya V.O. Features of protection of intellectual property rights in the digital environment//Development of customs affairs of the Russian Federation: Far Eastern vector. 2024. № 5. S. 235–239.

[8] Orkina E.A. Intellectual property in the digital environment: problems and solutions//Philosophy of law. 2020. № 2 (93). S. 44–50.

[9] Rakhmatulina R.Sh. State regulation of relations in the field of intellectual property//Economics. Taxes. Right. 2015. № 5. S. 153-161.

[10] Rodin A.S. Legal status of subjects participating in legal relations in the information and telecommunication network of the Internet//Journal Culture: Theory and Practice, 2021. S. 1-6.

[11] Sviridova E.A. Peculiarities of protection of the computer program under the legislation of the European Union//Gaps in Russian legislation. 2023. T. 16. № 6. S. 106-112.

[12] Frolova E.E., Kupchina E.V. Digital tools for protecting intellectual property rights: on the example of blockchain and artificial intelligence//Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. T. 61. S. 479-498.

[13] Shcherbak N.V. Liability for indirect infringement of intellectual copyright//Bulletin of Moscow University. Series I. Law. 2024. № 6. S. 178-201.

[14] Yachmeneva V.M., Yachmenev Y.I. Digital space as a necessary and sufficient condition for the digitalization of the economy//Baikal Research Journal. 2020. T. 11. № 3. S. 2-12.

[15] "Civil Code of the Russian Federation (part four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended

23.07.2025) (with amendments and additions, entry by virtue of 04.01.2026), Article 1225 ./SPS "Guarantor."

[16] Federal Law of 27.07.2006 N 149-FZ (as amended by 24.06.2025) "On Information, Information Technologies and Information Protection" ./SPS "Garant."

[17] Federal Law of 07.07.2003 N 126-FZ (as amended by 31.07.2025) "On Communications." ./SPS "Garant."

[18] "Civil Code of the Russian Federation (Part Four)" dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended by 23.07.2025), Article 1253.1 ./SPS "Garant."

[19] Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 on certain legal aspects of information society services, in particular electronic commerce, in the Internal Market.

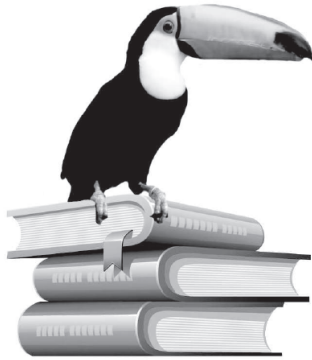
[20] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market.

[21] Digital Services Act, DSA, 2022.

[22] Digital Millennium Copyright Act (DMCA) of 1998 (Pub. L. No. 105-304).

[23] Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.